

В. И. ШИХОВ
Свердловск

Политика Англии и держав оси Берлин—Рим в Юго-Восточной Европе (сентябрь 1937—май 1938)

В конце 1937 г. международная обстановка резко обострилась. Фашистские державы — Германия и Италия усиленно готовились к развязыванию новой мировой войны. Гитлеровцы заканчивали составление планов агрессии, первыми жертвами которой должны были стать Австрия, Чехословакия, Польша. Итальянский фашизм расширял интервенцию в Испании, выдвигал открытые притязания на господство в бассейне Средиземного моря. Развертывалась агрессия японского империализма на Дальнем Востоке. В ноябре 1937 г. завершилось формирование блока агрессоров. Правящие круги Англии, Франции, США вместо отпора агрессорам, угрожавшим их интересам, стремились к сговору с ними на антисоветской основе. Политика умиротворения агрессоров открывала путь к мировой войне. Только Советский Союз последовательно отстаивал политику мира и коллективной безопасности.

Дальнейшее обострение международной ситуации усилило империалистические противоречия и между самими фашистскими государствами. Внутри оси Берлин — Рим велось соперничество за господство в Дунайском бассейне и на Балканах, где пересекались интересы германских и итальянских империалистов. Западные державы, особенно Англия, пытались использовать итало-германское соперничество в своих целях. Путем сепаратного сговора с фашистской Италией они хотели закрыть путь германской агрессии на Ближний Восток и к берегам Средиземного моря, направить ее только против Советского Союза. В свою очередь, Гитлер и Муссолини шантажировали друг друга угрозой сепаратных сделок с Англией и Францией и стремились укрепить таким образом свое положение внутри фашистского блока в ущерб партнеру по оси.

В статье ставится задача исследовать итало-германское империалистическое соперничество в Дунайском бассейне и на Балканах в период подготовки и проведения аншлюса Австрии и попытки Англии использовать разногласия внутри оси Берлин — Рим

в своих целях, что нашло отражение в англо-итальянском соглашении от 16 апреля 1938 г.

Австрия была первой жертвой немецко-фашистской агрессии. Еще в июле 1934 г. гитлеровцы пытались присоединить ее к своему рейху. Затем в июле 1936 г. они навязали Австрии соглашение, которое поставило ее в зависимость от Германии. Начиная с лета 1937 г. гитлеровцы усилили подготовку к аншлюсу. В июне 1937 г. германский военный министр Бломберг подписал план нападения на Австрию. Активизировалась подрывная деятельность австрийских нацистов, усилились интриги и заговоры, которые плели германские дипломаты во главе с послом в Вене Папеном¹. Но для осуществления аншлюса Гитлеру надо было заручиться поддержкой фашистской Италии — союзника Австрии по Римским протоколам.

С началом фашистской интервенции в Испании Италия все более зависела от Германии. К тому же захватнические планы итальянского империализма сосредоточивались в основном в бассейне Средиземного моря. В случае победы франкистов в Испании фашистская Италия рассчитывала закрепить свое влияние в этой стране. Она претендовала на колонии Англии и Франции на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Итальянские агенты и пресса вели антианглийскую и антифранцузскую пропаганду в арабских странах. 60-тысячная итальянская армия в Ливии сосредоточивалась на границах с Египтом и Тунисом. Вступая в противоборство с могущественными империалистическими державами — Англией и Францией, Муссолини нуждался в поддержке Германии. В речи, произнесенной 20 августа 1937 г., дуче подчеркивал, что «Рим не может действовать без Берлина и против Берлина, а Берлин не может действовать без Рима и против Рима». Провозгласив взаимозависимость партнеров по оси, Муссолини объявил главной общей целью борьбу с «большевизмом» на Средиземном море, т. е. с Испанской Республикой².

Планы расширения сотрудничества фашистских держав Муссолини предполагал обсудить во время личной встречи с Гитлером. В начале июля 1937 г. итальянское посольство в Берлине получило инструкции приступить к подготовке визита дуче в Германию. Итальянское правительство рассчитывало заручиться поддержкой гитлеровцев на Средиземном море, не жертвуя при этом своими позициями в Дунайском бассейне. 7 июля советник посольства Маджистрати сообщил германскому министру иностранных дел Нейрату, что Муссолини намерен выехать в Германию поездом 25 сентября. На вопрос министра, что дуче предполагает обсудить во время визита, Маджистрати передал ему текст, подготовленный лично Муссолини. Италия предлагала, во-первых, создать союз

---

¹ См.: М. А. Полтавский. Дипломатия империализма и малые страны. Европы. М., 1973, с. 34—35.

² М. Magistrati. L'Italia a Berlino (1937—1939). Milano, 1956, p. 64.

четырёх стран — Германии, Италии, Венгрии и Австрии, и, во-вторых, присоединение Германии к Римским протоколам. Нейрат отверг итальянское предложение³. Гитлеровцы стремились к аншлюсу Австрии и отвергали любой блок с ее участием. В дальнейшем итальянские дипломаты не возвращались к этому предложению.

Но параллельно с подготовкой встречи Муссолини с Гитлером италофашисты пытались достичь соглашения и с Англией. Инициатива соглашения принадлежала Лондону. Правительство Чемберлена видело свою основную цель в умиротворении гитлеровской Германии. Но в Англии не исключали возможности сделки и с Италией. По словам биографа Чемберлена, британский премьер рассуждал так: «Если мы сможем договориться с Германией, мне будет наплевать на Муссо». Но в случае, если переговоры с Берлином пойдут трудно, он подумывал и о другом варианте: «а нельзя ли ослабить ось с римского конца?»⁴ Тогда Англия могла бы оказывать нажим на Гитлера, угрожая ему воссозданием «фронта Стрезы» — англо-франко-итальянского блока. Приступая к переговорам с Германией, английское правительство сделало жест и в сторону Италии. 19 июля британский министр иностранных дел Иден выступил в палате общин с заявлением о готовности Англии всеми средствами защищать свои позиции в бассейне Средиземного моря. Но министр дал понять, что его правительство согласно учитывать интересы «других Средиземноморских держав». В Риме восприняли речь Идена как аванс в свой адрес. Итальянский посол в Лондоне Гранди заявил британскому министру, что его выступление в палате общин вызвало положительный отклик у правительства Италии и на страницах итальянских газет и Муссолини хотел бы установить дружеские отношения с Англией⁵. Затем состоялись две встречи Гранди с британским премьером. Посол передал ему личное послание Муссолини. Чемберлен также направил письмо дуче, выдержанное в дружественном тоне⁶. В информации, переданной французскому послу в Лондоне Корбену, руководитель Форин Оффис сообщил, что итальянское правительство выразило готовность к соглашению с Англией на широкой основе, выдвинув одно условие — признание де-юре Итальянской империи (т. е. захвата Эфиопии. — *В. Ш.*). Гранди заверял англичан, что Италия не имеет каких-либо территориальных и политических интересов в Испании, кроме утверждения в стране режима Франко. Со своей стороны, английское правительство потребовало от Италии прекратить антибританскую пропаганду в печати и по

---

³ ИДА, ф. 150, негатив 7, позитив 7, д. 62, л. 188—189. Меморандум Нейрата от 7.VII.1937.

⁴ K. Feiling. The Life of Neville Chamberlain. L., 1946, p. 329—330.

⁵ A. Eden. Memoirs. Facing the Dictators. Cambridge, Mass., 1962, p. 506—507.

⁶ Ibid., p. 510, 512; K. Feiling. The Life..., p. 330.

радио и сократить гарнизон в Ливии⁷. Была достигнута договоренность начать обсуждение этих вопросов в первых числах сентября.

Однако к началу сентября англо-итальянские отношения вновь обострились. Пользуясь политикой невмешательства, фашистские агрессоры попытались установить полную блокаду побережья Испанской Республики. Неопознанные (в основном, итальянские) подводные лодки развернули пиратские действия против судов разных стран, от которых страдали и западные державы. 10—14 сентября в швейцарском городе Нион состоялась конференция девяти европейских стран, в том числе СССР. По настоянию Англии на конференцию были приглашены Италия и Германия. Но фашистские державы отказались направить своих представителей в Нион. Наглое поведение Италии и Германии вызвало такое возмущение мировой общественности, что западные державы были вынуждены поддержать решительную позицию советской делегации. Конференция приняла решение уничтожать подводные лодки, атакующие мирные суда. Патрулирование Средиземного моря поручалось английскому и французскому флоту⁸. Решения конференции вызвали в Риме бурную реакцию. Министр иностранных дел Италии Чиано записывал в дневнике 12 сентября: «Дуче взбешен первыми новостями из Ниона». А через день последовала запись: «Дуче... агрессивен и настроен антианглийски»⁹. Намеченные англо-итальянские переговоры сорвались. В те же дни Чемберлен записывал в дневнике: «Мы добились большого успеха в Нионе, но за счет издержек в англо-итальянских отношениях»¹⁰. В создавшейся обстановке итальянское правительство было заинтересовано в дальнейшем укреплении оси и готово было пойти на уступки своему германскому партнеру.

Состоявшийся 25—29 сентября 1937 г. визит Муссолини в Германию был организован как демонстрация солидарности фашистских режимов. Он сопровождался пышными приемами, парадами и завершился большими маневрами вермахта, на которых присутствовал Муссолини. По словам итальянского дипломата Анфузо, помпезный прием Муссолини в Германии имел вполне конкретную цель. Гитлер вел крупную политическую игру с главарем итальянских фашистов, ставкой в которой была Австрия¹¹. Хотя официальных переговоров между ними не велось, фашистские диктаторы достигли определенной договоренности. В инструкциях, направленных германским миссиям за рубежом, Нейрат на основе речей и отдельных высказываний дуче и фюрера указывал, что Германия признала «преобладание итальянских интересов в Испании и в целом на Средиземном море». Италия же обязалась признавать

⁷ DDF, ser 2, t. 6, N 287, p. 493.

⁸ В. Я. Сиполс. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939. М., 1974, с. 128—129.

⁹ Ciano's Diaries. 1937—1938. L., 1952, p. 15.

¹⁰ K. Feiling. The Life..., p. 331.

¹¹ F. Anfuso. Roma, Berlino, Salò. Garzanti, 1950, p. 40.

«специальные германские интересы». Демонстрируя сплочение оси, Рим и Берлин, однако, оставили для себя открытым и путь к возможному соглашению с Лондоном. «Были даны заверения,— писал Нейрат,— что если один из партнеров будет искать более тесного сближения с Англией, другой может поступить таким же образом»¹².

В целом Муссолини и его окружение были довольны итогами поездки в Германию. Чиано записывал в дневнике, что хотя «с формальной стороны визит не добавил ничего» к уже имевшимся итало-германским соглашениям, он показал, что «ось Берлин — Рим сегодня — это грозная и чрезвычайно полезная реальность»¹³.

Через месяц, 20 октября, начались переговоры о присоединении Италии к антикоминтерновскому пакту. Переговоры вели японский посол в Риме и Чиано. Но в них участвовал и один из нацистских главарей — Риббентроп, занимавший тогда пост посла в Англии. В беседе с Муссолини, состоявшейся 22 октября, Риббентроп делал особый упор на военное сотрудничество трех держав. Муссолини же указывал лишь на необходимость консультаций между ними в случае военного конфликта¹⁴. Он явно избегал брать на себя конкретные обязательства. Более длительная беседа между Муссолини и вторично прибывшим в Рим Риббентропом состоялась 6 ноября. На этот раз дуче четко сформулировал захватнические планы Италии. Он говорил о заинтересованности Италии в продолжении интервенции в Испании, о том, что даже при эвакуации войск интервентов итальянцы попытаются удержать за собой базы на острове Майорка «на случай войны с Францией». В ходе беседы Муссолини разбирал различные варианты военных действий против Франции и Англии на Средиземном море. Перейдя к Дунайскому бассейну, он заявил, что Италия не интересуется судьбой Чехословакии. В свою очередь Риббентроп поставил вопрос об Австрии. Он заявил, что «на этом вопросе спекулируют враги итало-германского сотрудничества» и поэтому его надо решить. Муссолини ответил, что Италия интересуется Австрией «не так живо, как несколько лет назад... так как концентрирует свои интересы на Средиземном море и в колониях», поэтому «лучше всего дать событиям развиваться естественным путем». Но, фактически дав согласие на аншлюс, дуче предупредил гитлеровского эмиссара, что в австрийском вопросе «ничего не должно делаться без предварительного обмена информацией» между Берлином и Римом¹⁵. Фактически переговоры Риббентропа с Муссолини были конкретизацией переговоров Гитлера с главарем итальянских фашистов в сентябре 1937 г.

7 ноября 1937 г. в Риме был подписан протокол о присоединении Италии к антикоминтерновскому пакту. В письме от 17 но-

¹² DGFP, ser. D, vol. 1, N 1, p. 1—2.

¹³ Ciano's Diaries, p. 16.

¹⁴ Ciano's Diplomatic Papers. 1936—1942. L., 1948, p. 140—141.

¹⁵ Ciano's Diplomatic Papers, p. 144—146.

ября нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов указывал, что пакт, являясь «орудием общих агрессивных тенденций» фашистских держав, служит «в то же время индивидуальным целям каждого из его участников» и «если используется Японией и Германией главным образом против СССР, то Италия видит в нем главным образом средство давления на Англию»¹⁶. В донесении советского полпреда в Риме этот вывод подтверждался конкретными высказываниями итальянских дипломатов и выступлениями итальянской прессы¹⁷.

Консолидация блока фашистских агрессоров и обострение империалистических противоречий на Средиземном море ускорили подготовку войны гитлеровскими главарями. 5 ноября состоялось совещание Гитлера с верхушкой вермахта и политического руководства рейха. На совещании Гитлер развивал планы борьбы за «жизненное пространство» с «заклятыми врагами» — Англией и Францией. Он подчеркивал, что цель этой борьбы — колонии. Но первой задачей «при возможном наступлении на Запад» является захват Чехии и Австрии. Гитлер выразил уверенность, что западные державы уже втихомолку списали Чехословакию со счета, а Италию ее судьба не интересует. Правда, он заметил, что не может точно определить итальянскую позицию в отношении Австрии. Перейдя к военно-стратегическим планам, Гитлер заявил, что предвидит возможность военного конфликта в ближайшее время между Италией и западными державами. Из выдвинутых им трех вариантов развития событий в Европе он считал наиболее вероятным именно этот и заявил, что тогда возможно нападение Германии на Австрию и Чехословакию уже в 1938 г. Но фельдмаршал Бломберг и генерал Фрич выразили опасение, что и в случае войны на Средиземном море Франция будет держать основные силы армии на границе с Германией. Нейрат же заявил, что вообще «нельзя считать итало-англо-французский конфликт делом столь близкого будущего»¹⁸. Но хотя опасения его помощников были обоснованы, Гитлер делал ставку на мюнхенскую политику правящих кругов Запада и не ошибся.

19 ноября в ставке Гитлера в Оберзальцберге состоялась его встреча с одним из ведущих министров британского правительства Галифаксом. Британский министр заявил фюреру, что его правительство ценит роль Германии как «бастиона Запада против большевизма». При этом он указал, что Англия готова пойти на встречу Германии и не препятствовать «изменениям» в положении Австрии, Чехословакии, Данцига, правда, при условии, что эти изменения произойдут «путем мирной эволюции». В свою очередь

---

¹⁶ ДВП СССР, т. 20. М., 1976, с. 764.

¹⁷ Там же, с. 624.

¹⁸ В. И. Дашинчев. Банкротство стратегии германского фашизма, т. 1. М., 1973, с. 127—130.

Гитлер заявил Галифаксу, что готов отложить обсуждение колониальных проблем с Англией и Францией¹⁹.

В начале ноября 1937 г. Папен по заданию Гитлера посетил Париж. В своем отчете он писал: «Я сделал интересный вывод, что ни Боннэ, ни Шотан не имеют возражений против значительного расширения германского влияния в Австрии...»²⁰. Заручившись фактическим согласием Англии и Франции, гитлеровцы ускорили подготовку аншлюса Австрии.

В этот период итальянская дипломатия вела сложную игру. Главной линией ее политики было укрепление союза с Германией. В декабре 1937 г. Италия вышла из Лиги наций. Итальянские делегации с начала 1936 г. отсутствовали на заседаниях Лиги в Женеве. Но тем не менее этот акт был еще одним проявлением солидарности с гитлеровцами. В начале декабря был подписан секретный итало-германский протокол по экономическим вопросам. Италия согласилась значительно увеличить вывоз в Германию стратегического сырья: бокситов, ртути, серы — в обмен на германский уголь. Был согласован вопрос о направлении на сельскохозяйственные работы в Германии 200 тыс. итальянских батраков²¹.

Но одновременно Италия стремилась сохранить свои позиции в Дунайском бассейне. В Риме пытались компенсировать неизбежную потерю Австрии привлечением к Римским протоколам Югославии. Эта задача облегчалась тем, что югославское правительство во главе со Стоядиновичем все больше отходило от союза с Францией и от Малой Антанты и искало новых покровителей.

В конце 1937 г. Стоядинович совершил поездку по столицам всех империалистических держав Европы. В октябре во время пребывания в Лондоне он убедился, что английские правящие круги стремятся к сговору с фашистскими агрессорами²². Вслед за британским правительством Стоядинович также пошел по пути соглашения с фашистскими державами. В начале декабря 1937 г. он вел в Риме переговоры с Муссолини и Чиано. Стоядинович заявил итальянским руководителям, что Югославия не стремится к развитию отношений с Францией и не будет сражаться за Чехословакию, своего союзника по Малой Антанте²³. В свою очередь, Муссолини ответил, что судьба Чехословакии его не интересует. Что касается Австрии, он заметил, что «аншлюс неизбежен»²⁴. Муссолини убеждал Стоядиновича улучшить отношения с Венгрией, с которой Италию, по его словам, продолжают «связывать тесные и сердечные узы». Италия же будет улучшать отношения с

---

¹⁹ Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. 1. М., 1948, с. 16, 35—36, 41.

²⁰ DGFP, ser. D, vol. 1, N 63, p. 103.

²¹ Ibid., N 84, p. 142—143.

²² Ibid., N 162, p. 221.

²³ Ibid., vol. 2, N 38, p. 78.

²⁴ M. Stojadinovic. Ni rat ni pakt. Buenos Aires, 1963, str. 484—485.

Румынией²⁵. Оценивая итоги итало-югославских переговоров, Чиано записывал в дневнике, что они «создали основу союза двух стран», который «может быть повернут в разных направлениях, в том числе на север»²⁶. Но в тот момент главари фашистской Италии ограничивались лишь туманными намеками на создание какой-то новой коалиции под своей эгидой. К тому же и Стоядинович больше склонялся к соглашению с Гитлером, чем с Муссолини. В январе 1938 г., находясь с визитом в Берлине, он заверил нацистских главарей, что Югославия не будет препятствовать аншлюсу и «ни при каких обстоятельствах не присоединится к пакту, направленному против Германии, или к любой антинемецкой коалиции». В свою очередь Гитлер обещал, что в случае аншлюса «югославские границы останутся нерушимыми»²⁷. В отношении Югославии политика держав оси до какой-то степени сопадаала. Отход Белграда от Малой Антанты ослаблял версальскую систему в Дунайском бассейне, что вполне соответствовало гитлеровским замыслам. Поэтому в Берлине благожелательно относились к итало-югославским переговорам.

Аналогичной была политика держав оси и в отношении Румынии. Правда, итальянская дипломатия проявляла значительно меньшую активность в этой стране, чем германская. Но когда в конце декабря к власти в Румынии пришло фашистское правительство Гога — Кузы, в Риме приняли сообщение об этом «с нескрываемым удовлетворением»²⁸. Чиано прямо связывал с правительством Гоги надежды на полное уничтожение французской системы союзов. 29 декабря он дал указание своему посланнику в Бухаресте добиваться «прогрессирующего сближения» с Румынией²⁹.

Но в Австрии и Венгрии соперничество фашистских держав продолжалось с прежней силой. Под нажимом германских монополий более слабый итальянский империализм сдавал свои позиции в экономике этих стран немецким конкурентам. Как сообщал советский полпред в Вене, в сентябре 1937 г. Италия денонсировала преференциальное соглашение с Венгрией и тогда же приняла решение денонсировать аналогичное соглашение с Австрией с 1 января 1938 г. Полпред указывал, что «Италии впредь экономически трудно подкармливать Австрию и Венгрию»³⁰. Но, делая крупный шаг в ликвидации экономических статей Римских протоколов, Муссолини рассматривал Австрию и Венгрию как сферу своего политического влияния. В принципе, дав согласие на аншлюс, итальянское правительство пыталось оттянуть его сроки до получения компенсации от гитлеровцев. В ноябре 1937 г. Чиано

---

²⁵ Ciano's Diplomatic Papers, p. 151.

²⁶ Ciano's Diaries, p. 42.

²⁷ DGFP, ser. D, vol. 5, N 163, p. 228—229.

²⁸ ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 117, л. 151. Донесение польского посла в Риме Высочайшего МИД, 31.XII.1937.

²⁹ Ciano's Diaries, p. 51.

³⁰ ДВП СССР, т. 20, с. 526.

в инструкциях новому посланнику в Вене Гиджи сравнил его роль с ролью врача, «который должен давать кислород умирающему человеку без согласия его наследника», но подчеркнул, что для Италии важнее «наследник», т. е. Германия, чем «больной»³¹. В то же время, по свидетельству австрийского канцлера Шушница, и после поездки в Берлин Муссолини заверял австрийское правительство, что его позиция в отношении независимости Австрии не изменилась³².

Однако в Вене не очень верили этим заверениям. Австрийский посланник в Берлине Таушиц сообщал в октябре 1937 г. со ссылкой на информацию, полученную его французским коллегой, что Италия ничего не предпримет для защиты независимости Австрии³³. Правящие круги Австрии давно уже склонялись к капитуляции перед Гитлером при условии, что и после аншлюса австрийская буржуазия сохранит известные привилегии в рамках рейха. После встречи Гитлера с Галифаксом капитулянтские настроения в Вене резко усилились. И маневры итальянского правительства лишь подогревали эти настроения. Одним из наиболее откровенных капитулянтов был статс-секретарь по иностранным делам Гвидо Шмидт. Выступая на съезде фашистской организации «Отечественный фронт» в декабре 1937 г., он заявлял: «Есть три пути сохранения независимости Австрии — против Германии, при безразличии к Германии, в дружбе с Германией...». «Несомненно, самым желательным» является третий путь³⁴. Такие заявления встречали резко отрицательное отношение в Риме. Италия все еще считала, что ей принадлежит последнее слово в австрийском вопросе, и рассчитывала подороже продать своего союзника Гитлеру. В начале января 1938 г. Муссолини заявил, что только «после решения испанской проблемы» он «разрешит... нацификацию Австрии»³⁵. Поэтому Чиано именовал Шмидта предателем и дважды направлял в конце 1937 г. в Вену документы, компрометирующие статс-секретаря, требуя от Шушница его увольнения³⁶. Робкие попытки отдельных австрофашистов заручиться поддержкой Запада вызывали у итальянского правительства отрицательную реакцию. 24 ноября Чиано потребовал уволить в отставку начальника политического департамента австрийского МИД Хорнбостеля³⁷. Причиной послужила беседа Хорнбостеля с французским посланником в Вене Пюо, в которой австрийский дипломат заявил, что его страна не может рассчитывать на поддержку Италии и должна просить помощи только у западных держав³⁸.

³¹ Ciano's Diaries, p. 37.

³² K. Schuschnigg. Im Kampf gegen Hitler. Wien, 1969, S. 270.

³³ Der Hochverratprozess gegen Dr Guido Schmidt vor dem Wiener Volksgericht. Wien, 1947, S. 499.

³⁴ Ibid., S. 501.

³⁵ Ciano's Diaries, p. 58.

³⁶ Ibid., p. 31, 49.

³⁷ Ibid., p. 37.

³⁸ G. Pauaux. Mort et Transegration de l'Autriche. P., 1966, p. 97.

Но Австрия, а также Венгрия пытались найти путь на Запад и по-иному: через соглашение с Малой Антантой. После поездки Муссолини в Германию возрос их интерес к плану создания политико-экономического блока Придунайских стран, автором которого был чехословацкий премьер-министр Годжа³⁹. В конце сентября Шушниц встретился с Годжей в Бадене близ Вены. Чехословацкое правительство поспешило заверить Берлин, что эта встреча не является ответом на переговоры Гитлера с Муссолини⁴⁰. Но германский посол в Риме получил от информированных лиц иные сведения. Хассель доносил в Берлин, что Австрия больше не доверяет Италии и хотела бы гарантировать свою независимость путем создания блока Чехословакии, Венгрии, Австрии, по возможности, Югославии и Польши⁴¹. При этом Шушниц обещал чехословацкому премьеру содействовать в улучшении отношений между Прагой и Будапештом. В конце октября он вел переговоры с венгерским правительством. Вернувшись из Будапешта, Шушниц заявил Пюо, что хортисты заняли более благоприятную, чем прежде, позицию в отношении переговоров с Чехословакией. Канцлер утверждал, что возможно соглашение и между Венгрией и Румынией⁴².

Но расчеты австрийского правительства на создание нового блока в Дунайском бассейне не оправдались. В Будапеште с большим вниманием следили за политикой Англии. Заместитель венгерского министра иностранных дел Апор откровенно говорил австрийскому посланнику, что «в конечном счете, внутривнутриполитическое положение Австрии, как и Венгрии, основывается на большой международной политике и зависит от того, насколько сильно будет ощущаться английское влияние в Европе»⁴³. Сразу же после поездки Галифакса в Германию туда отправились венгерский премьер-министр Дараньи и министр иностранных дел Кая. В беседе с ними Геринг заявил, что «Англия не будет проявлять особого интереса к вопросу о присоединении Австрии к Германии», а позиция Франции «будет определяться обстоятельствами»⁴⁴. Нацистские главы советовали Венгрии «не распылять усилий», а сосредоточить реваншистские притязания только против Чехословакии⁴⁵. Хортисты заняли уклончивую позицию. В принципе соглашаясь участвовать в агрессии против Чехословакии, они потребовали, чтобы Германия обеспечила в этом случае нейтралитет Югославии. При наличии германских гарантий такого нейтралитета они соглашались отказаться от реваншистских притязаний

---

³⁹ См.: В. И. Шихов. План Годжи. — В сб.: Из новейшей истории зарубежных стран. Свердловск, 1963.

⁴⁰ DGFP, ser. D, vol. 2, N 4, p. 19.

⁴¹ Ibid., vol. 1, N 268, p. 478—479.

⁴² DDF, t. 7, N 157, p. 268.

⁴³ Der Hochverratprozess..., S. 563.

⁴⁴ Венгрия и вторая мировая война. М., 1962, с. 63.

⁴⁵ Там же, с. 67.

к Югославии⁴⁶. Но венгерское правительство учло заявления гитлеровских главарей о неизбежности аншлюса при попустительстве западных держав. В начале января 1938 г. венгерский дипломат Чаки информировал гитлеровского эмиссара, что «Венгрия не возражает против присоединения Австрии к Германской империи»⁴⁷.

В то же время хортисты не отказывались и от сохранения союза с Италией, продолжая начатую ранее политику балансирования между Римом и Берлином. В начале ноября 1937 г. венгерское правительство выступило с предложением провести встречу стран-участниц Римских протоколов. Итальянское правительство согласилось на проведение конференции трех стран при условии, что срок ее проведения будет определен позже⁴⁸.

Подготовка конференции стран Римских протоколов началась в декабре 1937 г. При этом Чиано и один из руководителей итальянского МИД Бути сообщили австрийскому посланнику в Риме, что Италия не внесет на конференции каких-либо новых предложений. Но посланник понял из разговоров с итальянскими дипломатами, что они заинтересованы в предстоящей встрече со своими партнерами⁴⁹. Действительно, итальянское правительство пыталось укрепить свои позиции в Дунайском бассейне в предвидении новой встречи фашистских главарей. Начало конференции в столице Венгрии было назначено на 10 января. Накануне, в день отъезда из Рима, Чиано информировал французского дипломата Блонделя, что решен вопрос о визите Гитлера в Италию, куда он прибудет 9 мая⁵⁰. А через несколько дней после завершения работы конференции стран Римского протокола началась подготовка к визиту фюрера. По словам австрийского посланника в Риме, все итальянские газеты во второй половине января 1938 г. были заполнены статьями, посвященными прибытию Гитлера, причем выдержанными в «дифирамбическом тоне». Был создан комитет по организации приема главара нацистов под председательством министра Альфиери⁵¹. Конференция же стран Римского блока должна была показать Гитлеру, что Италия не утратила интереса к Придунайским странам.

На Будапештской конференции, проходившей 10—12 января, Чиано стремился решить две трудно совместимые задачи. Как сообщал польский посол в Риме Высоцкий, итальянские политические круги считали, что в Будапеште удалось «согласовать политику государств Римского протокола с политикой оси Рим — Бер-

⁴⁶ И. И. Поп. Чехословацко-венгерские отношения. 1935—1939. М., 1972, с. 105.

⁴⁷ Документы МИД Германии, вып. 1. Германская политика в Венгрии (1937—1942). М., 1946, с. 29.

⁴⁸ Ciano's Diplomatic Papers, p. 148.

⁴⁹ ОРФ ИИ АН СССР, ф. Ж, д. 10, л. 304. Бергер — Вальденегг — МИД. 14.XII.1937.

⁵⁰ DDF, t. 7, N 408, p. 829.

⁵¹ ОРФ ИИ АН СССР, ф. Ж, д. 10, л. 306. Бергер — Вальденегг — МИД, 20.I.1938.

лин» и одновременно «возвести политику Италии, Австрии и Венгрии в Дунайском бассейне на уровень европейской политики»⁵².

В заключительной декларации трех стран упор был сделан на полную солидарность их политики с политикой Германии. В беседах с германскими дипломатами венгерский министр Каня и австрийский статс-секретарь Шмидт заявляли, что они полностью поддержали на конференции итало-германское сотрудничество и в духе декларации согласуют политику своих стран с линией оси⁵³. В таком же духе Шмидт рекомендовал толковать текст декларации при беседах с иностранными дипломатами австрийским миссиям в различных странах⁵⁴. Италия не настаивала на присоединении Австрии и Венгрии к антикоминтерновскому пакту, хотя в печати и появились подобные утверждения⁵⁵. Правда, Чиано добивался, чтобы эти страны вышли вслед за Германией и Италией из Лиги наций, но наткнулся на решительный отказ своих партнеров⁵⁶.

В ходе конференции и неофициальных встреч с венгерскими руководителями Чиано добивался от них пересмотра политики в отношении Югославии и Румынии. Комментируя итоги конференции, близкая к фашистскому руководству газета «Пополо д'Италия» писала 12 января, что ее проведение «согласуется с мыслями Муссолини о распространении Римских протоколов на другие государства»⁵⁷.

Вопреки просьбам австрийских министров Чиано отказался включить в текст декларации пункт о независимости Австрии. Он объяснил это германскому посланнику в Будапеште нежеланием вызвать неудовольствие Германии⁵⁸. Так же истолковали позицию итальянского министра и австрийцы. Но, как заявил Шмидт французскому посланнику в Вене, «в ходе переговоров граф Чиано показал себя решительным сторонником независимости Австрии». По словам Шмидта, Чиано «заверил, что в политике Италии не будет перемен и Австрия всегда может рассчитывать на нее»⁵⁹. Опытный дипломат Пюо скептически отнесся к заверениям итальянского министра. В донесении в Париж он писал, что австрийское правительство верит в итальянскую поддержку «вопреки очевидным фактам». Но и он отметил, что позиция Чиано, видимо, согласованная с Муссолини, отличается от прежних заявлений⁶⁰.

---

⁵² ИДА, ф. 5, оп. 1, д. 117, л. 144. Высоцкий — МИД, 15.I.1938.

⁵³ DGFP, ser. D, vol. 1, N 107, p. 187—188.

⁵⁴ ОРФ ИИ АН СССР, ф. Ж, д. 42, л. 261. Шмидт — миссии в Варшаве, 15.I.1938.

⁵⁵ Там же, л. 263.

⁵⁶ Там же, л. 264.

⁵⁷ См.: ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 117, л. 144.

⁵⁸ DGFP, ser. D, vol. 1, N 107, p. 187.

⁵⁹ DDF, t. 7, N 446, p. 905.

⁶⁰ DDF, t. 8, N 18, p. 35.

Однако Будапештская конференция не могла играть большой роли в попытках Италии упрочить свое положение внутри оси. На первый план в политике Рима по мере приближения аншлюса выдвигались переговоры с Англией. При этом возможное соглашение с Англией рассматривалось как средство нажима на партнера по оси. Так же действовала и Германия. Фашистские державы в ходе переговоров между собой постоянно шантажировали друг друга угрозой сепаратной сделки с Англией ⁶¹.

Вновь вопрос о переговорах с Италией британское правительство поставило в конце октября 1937 г. В это время Англия и Франция ради соглашения с фашистскими агрессорами приняли все их требования в отношении Испании. На рассмотрение «комитета по невмешательству» был внесен план западных держав о признании за франкистами «прав воюющей стороны» при условии «прогресса» в эвакуации войск интервентов. Фактически это означало бы признание франкистского режима Западом, а некоторое сокращение итало-германских войск все же оставило бы у него достаточное количество солдат, чтобы можно было нанести поражение Испанской Республике. Англичане придавали плану такое значение, что Иден лично председательствовал на четырех заседаниях комитета в конце октября. Фашистские представители в комитете — Риббентроп и Гранди с восторгом приняли план удушения Испанской Республики. Наметилось сближение позиций фашистских и западных делегаций в комитете ⁶².

Видимо, на этой основе в Лондоне сочли возможным возобновить переговоры с Италией по более широкому кругу вопросов. Имевший тесные связи с английскими правящими кругами посланник Австрии в Лондоне Франкенштейн сообщал в Вену, что появилась возможность англо-итальянских переговоров по проблемам, не связанным с Европой ⁶³. Речь могла идти о Ближнем Востоке и Северной Африке. 28 октября британский посол в Риме передал Чиано письмо от Идена. Иден предлагал итальянскому министру встретиться с ним на открывшейся в Брюсселе конференции по дальневосточным вопросам. Но Муссолини считал такую встречу преждевременной и даже вредной. Объясняя позицию своего тестя, Чиано записывал в дневнике, что прежде следовало завершить вступление Италии в антикоминтерновский пакт и ответом Лондону послужит подписание договора «антибольшевистского в теории, антибританского на деле» ⁶⁴.

Уже находясь в Брюсселе, 13 ноября Иден вновь направил

---

⁶¹ F. Siebert. Italiens Weg in den Zweiten Weltkrieg. Bonn, 1962, S. 65—66.

⁶² И. М. Майский. Воспоминания советского посла, кн. 2. М., 1964, с. 402—403.

⁶³ ОРФ ИИ АН СССР, ф. Ж, д. 10, л. 180. Франкенштейн — МИД, 22.X.1937.

⁶⁴ Ciano's Diaries, p. 27.

приглашение Чиано прибыть на личную встречу с ним⁶⁵. И на этот раз последовал отказ итальянского министра.

Но в этот период английское правительство все же основное внимание уделяло подготовке визита Галифакса в Германию. Кроме того, Англия должна была согласовать свою политику в итальянском вопросе с Францией. В Париже не скрывали отрицательного отношения к фашистской Италии. Итало-французские империалистические противоречия оказались острее, чем англо-итальянские. Французский посол в Берлине Франсуа Понсэ заявил, например, Нейрату, что отправка итальянских войск в Ливию — это угроза «не столько Англии и Египту, сколько Тунису». Посол подчеркнул, что Франция не может допустить создание итальянских баз на острове Майорка или в любом ином пункте испанской территории, так как это «угрожает ее жизненным интересам»⁶⁶. Острую реакцию вызывала во Франции пропагандистская шумиха в Италии по поводу «возврата» Корсики, Ниццы, Савойи. Поэтому, когда итальянский посол в Париже пытался получить у французского премьера согласие на признание захвата Эфиопии, он столкнулся с твердой позицией Шотана. Премьер-министр заявил, что Франция будет придерживаться линии, выработанной в этом вопросе Лигой наций⁶⁷.

29—30 ноября в Лондоне состоялась встреча Чемберлена, Идена и Галифакса с Шотаном и Дельбосом. Основное внимание участники переговоров уделили итогам встречи Галифакса с Гитлером. Английские министры настаивали на широком соглашении западных держав с фашистскими агрессорами. Чемберлен заявил, что Англия не намерена воевать в случае немецкого вторжения в Австрию и Чехословакию. Под нажимом британских партнеров французские министры согласились на «изменение статус-кво» в Центральной Европе при условии, что эти «изменения» произойдут мирным путем. Таким образом, Франция согласилась выдать Гитлеру не только Австрию, но и своего союзника — Чехословакию.

Бурные дебаты на совещании развернулись по вопросу о возможности соглашения с Италией. Первоначально французские министры выступили против переговоров с Муссолини. Шотан заявил, что Рим готовится развязать войну на Средиземном море и поэтому соглашение с ним невозможно. Дельбос в свою очередь утверждал, что расчеты на возрождение «фронта Стрезы» нереальны. Он заявил, имея в виду события 1934 г.: «Тогда Италия сосредоточивала войска на Бреннере, сейчас — в Ливии». Но Чемберлен настойчиво повторял, что Италия не хочет воевать и соглашение с ней соответствовало бы интересам западных держав. А Иден даже заявил, что соглашение Англии и Франции с Ита-

---

⁶⁵ DDF, t. 7, N 230, p. 422.

⁶⁶ DGFP, ser. D, vol. 1, N 3, p. 7.

⁶⁷ DDF, t. 6, N 333, p. 592.

лией побудит Муссолини занять более твердую позицию в вопросе о независимости Австрии⁶⁸.

В конечном счете и в этом вопросе французские министры согласились с позицией Англии. Но, как сообщал Дельбос французским миссиям за рубежом, англичане приняли два условия, выдвинутые Францией: во-первых, англо-итальянское соглашение должно включать пункт и о прекращении Италией антифранцузской пропаганды, во-вторых, вопросы, затрагивающие французские интересы, не должны решаться в переговорах Лондона с Римом без участия Франции⁶⁹. В целом лондонские переговоры усилили зависимость политики Франции от курса британских «умиротворителей». Полпред СССР во Франции характеризовал итоги совещания «как новое ослабление Франции, как новый удар по коллективной безопасности, как новую уступку фронту агрессоров»⁷⁰.

1 декабря Иден сообщил Риббентропу и Гранди, что западные державы не будут возражать против изменения статуса Австрии и Чехословакии «мирным путем». В беседе с Гранди Иден вновь подтвердил готовность к соглашению с Италией, но потребовал прекратить антифранцузскую пропаганду в итальянской прессе⁷¹. Получив донесение своего посла, Чиано записал в дневнике: «Очень интересный разговор Идена с Гранди... Послал Гранди инструкции, подобные летним...»⁷².

Интерес в Риме к соглашению с Англией заметно повысился в связи с поездкой Галифакса в Германию. Муссолини опасался англо-германской сделки за своей спиной. По сообщению советского полпреда в Риме, встреча Гитлера с Галифаксом вызвала у итальянского правительства «большую внутреннюю озабоченность», и комментарии римских газет отражали «внутреннюю тревогу насчет верности Берлина». Была и еще одна причина. Италия, имевшая дефицит платежного баланса, нуждалась в иностранных займах. В начале ноября министр без портфеля, крупный капиталист Вольпи, вел в Лондоне переговоры о получении займа, но безуспешно⁷³. Видимо, в Риме надеялись, что политическое урегулирование с Англией облегчит и получение кредитов у банкиров Сити.

Однако Муссолини не отказывался и от подготовки войны с Англией. Он заявил Чиано 2 января, что «хотел бы создать военный союз с Японией против Великобритании». В те же дни посланнику в Египте Чиано дал инструкции изучить возможность диверсий на Суэцком канале⁷⁴. Поэтому вопрос, начинать ли серьезные переговоры с Англией, не был решен в Риме. И состоявшиеся в

⁶⁸ DDF, t. 7, N 283, p. 531, 541—543.

⁶⁹ Ibid., N 297, p. 574.

⁷⁰ ДВП СССР, т. 20, с. 766.

⁷¹ DGFP, ser. D, vol. 1, N 59, p. 99—100.

⁷² Ciano's Diaries, p. 40.

⁷³ ДВП СССР, т. 20, с. 626—627.

⁷⁴ Ciano's Diaries, p. 59.

конце декабря — начале января беседы советника итальянского посольства в Лондоне Кроллы с Иденом и Перта с Чиано не дали результатов⁷⁵. Но с декабря 1937 г. переговоры шли и по другой линии. Британский премьер Чемберлен начал личные переговоры с итальянским правительством. 22 декабря невестка Чемберлена (вдова его брата Остина) встретила в Риме с Чиано. Она сообщила итальянскому министру, что ее родственник хотел бы достичь не только взаимопонимания, но и дружбы между Англией и Италией. В начале января леди Чемберлен передала итальянскому министру письмо британского премьера с предложением незамедлительно начать переговоры об урегулировании всех спорных вопросов между Лондоном и Римом⁷⁶. Ответное послание из Рима было воспринято Чемберленом как обнадеживающее. 19 января он зачитал выдержки из этого письма на заседании британского кабинета и заявил, что результаты контактов с итальянским правительством «психологически важны» и показывают готовность Муссолини к переговорам⁷⁷. Как позже сообщил в Рим Гранди, в середине января он установил тайный контакт с Чемберленом. Посол несколько раз конспиративно встречался с доверенными представителями премьер-министра и обсуждал с ними условия будущего англо-итальянского соглашения⁷⁸.

Но в середине января 1938 г. английскому правительству пришлось столкнуться с неожиданными трудностями на международной арене. Против уступок фашистским державам на Средиземном море выступили Соединенные Штаты. Американский империализм поддерживал политику «умиротворения» агрессоров за счет Придунайских и Балканских стран, в том числе Австрии и Чехословакии. Но американские нефтяные монополии, имевшие непосредственные интересы в Ираке и Саудовской Аравии, опасались, что Англия пойдет на уступки Италии и Германии и на Ближнем Востоке. 11 января президент Рузвельт направил британскому правительству телеграмму, в которой предложил созвать конференцию Англии, Франции, США, Германии и Италии. Он считал, что на этой конференции можно было бы обсудить приемлемые для всех западных империалистов условия сговора с фашистскими державами. Ответ Лондона на телеграмму президента был отрицательным. Через две недели Рузвельт направил Чемберлену новые предложения о проведении конференции и вновь получил отказ. В связи с этим правительство США заявило, что будет рассматривать сепаратное англо-итальянское соглашение «как подлую сделку» за счет американских интересов на Ближнем

---

⁷⁵ Ciano's Diplomatic Papers, p. 158.

⁷⁶ Ciano's Diaries, p. 47, 51.

⁷⁷ The Diplomatic Diaries of Oliver Harvey. 1937—1940. L., 1970, p. 74; J. Colvin. The Chamberlain Cabinet. L., 1971, p. 85.

⁷⁸ Ciano's Diplomatic Papers, p. 165.

Востоке⁷⁹. Англо-американский конфликт был урегулирован позже и с большим трудом.

Обострение англо-американских отношений ускорило давно назревавший конфликт и внутри британского кабинета между премьер-министром и министром иностранных дел. Принципиальных разногласий между ними не было. Иден, как и Чемберлен, был сторонником политики умиротворения агрессоров и активно проводил ее в жизнь. Но он считал, что Чемберлен склонен к слишком большим уступкам Италии и что следовало требовать от Муссолини более твердых гарантий британских интересов, чем те, на которые соглашался премьер-министр⁸⁰.

Телеграмма Рузвельта застала Идена в отпуске, который он проводил на юге Франции. Вернувшись в Лондон 15 января, он осудил ответ правительства Рузвельту как поспешный и непродуманный. Одновременно Иден выступил против дальнейших переговоров с Римом. 17 января ближайший помощник премьер-министра Хорас Вильсон заявил заместителю министра иностранных дел Кадогану, что Чемберлен недоволен позицией Идена, так как «до поездки за рубеж Антони (Иден.— В. Ш.) одобрял идею переговоров с Италией на основе признания (захвата Эфиопии.— В. Ш.), сейчас же оказалось, что он против и думает, что может выйти из игры»⁸¹.

В конце января Иден присутствовал на заседании Совета Лиги наций в Женеве. После этого он потребовал у Чемберлена обязательного включения вопроса об Испании в круг вопросов, обсуждаемых с Римом. Иден заявил, что «англо-итальянское соглашение по чисто англо-итальянским вопросам было бы встречено всеми как сомнительная сделка и не было бы приемлемым ни для Женевы, ни для Рузвельта»⁸². Однако британский премьер не принял рекомендаций своего министра. 1 февраля он передал через свою невестку новое послание Муссолини, в котором предложил договориться по всем спорным вопросам как можно скорей⁸³.

В начале февраля 1938 г. обстановка в Европе резко обострилась. 4 февраля Гитлер произвел реорганизацию командования вермахта и перестановку в руководстве дипломатической службы. Военное министерство было упразднено, пост верховного главнокомандующего занял сам Гитлер, на пост министра иностранных дел был назначен Риббентроп. Было объявлено о предстоящем отзыве послов из Токио, Рима и Вены. Эти перестановки были одной из мер подготовки Германии к развязыванию войны. Но их

⁷⁹ См.: И. Н. Чемпалов. Политика великих держав в Юго-Восточной Европе в период аншлюса Австрии и чехословацкого кризиса 1938 г. — В сб. Б. Г. Трухановский. Антони Иден. М., 1974, с. 130.

⁸⁰ Б. Г. Трухановский. Антони Иден. М., 1974, с. 153.

⁸¹ The Diaries of sir Alexander Cadogan. L., 1971, p. 38.

⁸² O. Harvey, Diaries, p. 81.

⁸³ Ciano's Diaries, p. 68; K. Feiling. The Life..., p. 337.

первым результатом стало ускорение подготовки аншлюса. Генеральный консул Австрии в Мюнхене сообщал в Вену, что высшие нацистские круги не скрывали прямой связи изменений в руководстве рейха с пересмотром германской политики в австрийском вопросе⁸⁴.

11 февраля состоялась встреча Гитлера с Шушнигом в Берхтесгадене. Фюрер вызвал австрийского канцлера в свою ставку для того, чтобы предъявить ему ультиматум. Гитлер потребовал амнистии австрийским нацистам и предоставления им полной свободы действий, а также назначения их главаря Зейсс-Инкварт министром внутренних дел Австрии. При этом он предупредил Шушнига, чтобы тот не рассчитывал на помощь извне, как это было в 1934 г. Он заявил: «С Италией я в согласии. Между нами дружба»⁸⁵. Австрийское правительство приняло нацистский ультиматум. Началась агония независимой Австрии.

События в Центральной Европе вызвали тревогу мирового общественного мнения. В палате общин британского парламента даже начались дебаты по австрийской проблеме. Но они были лишь уступкой общественности. Помощник британского министра иностранных дел Харви записывал 15 февраля в дневнике: «Мы не можем воевать за Австрию, и надо позаботиться, чтобы у Вены не было ложных иллюзий на этот счет. Франция соответственно также ничего не может сделать. В конце концов, это забота Муссолини, а не наша»⁸⁶. Такой была точка зрения всех правящих кругов Англии. Английский посол в Берлине Гендерсон 3 марта встретился с Гитлером и заявил, что одной из главных целей его правительства является «умиротворение в Австрии и Чехословакии». От себя посол добавил, что сам он неоднократно высказывался в пользу аншлюса⁸⁷.

Позиция Франции почти не отличалась от английской. Во французском парламенте также состоялись дебаты об Австрии. Правительство Шотана сделало заявление, что независимость Австрии является важным условием сохранения мира в Европе. 18 февраля французский посол в Лондоне передал правительству Англии предложение предупредить Гитлера о недопустимости нарушения статус-кво в Центральной Европе. Британские министры отвергли это предложение⁸⁸. Франция не настаивала.

В Италии на события реагировали двояко. Там, в целом, были довольны перестановками в гитлеровском руководстве. Муссолини и Чиано приветствовали назначение Риббентропа министром иностранных дел, считая, что он более активно будет проводить политику укрепления оси. Особое удовлетворение у них вызвала отставка посла в Риме Хасселя. Муссолини считал его врагом

⁸⁴ Der Hochverratprozess..., S. 509.

⁸⁵ E. Wisceman n. The Roma — Berlin Axis. L., 1966, p. 120.

⁸⁶ O. H a r v e y. Diaries, p. 90.

⁸⁷ Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. 1, с. 56, 70.

⁸⁸ A. C a d o g a n. Diaries, p. 55.

итало-германского союза и несколько раз добивался его отзыва из Рима⁸⁹. Общий вывод из перестановок в Берлине, сделанный в Италии, сводился к тому, что предстоит большая война с Западом. 14 февраля Муссолини обсуждал с генералом Париани конкретные планы военных действий против Франции, нападения на Суэцкий канал и вторжения в Швейцарию. Дуче считал, что при поддержке Германии Италия сможет осуществить эти планы летом 1939 г.⁹⁰

В Риме, разумеется, поняли, что означает гитлеровский ультиматум Австрии. Еще до отъезда Шушнига в Берхтесгаден, получив от него сообщение о предстоящей встрече с Гитлером, Чиано записывал в дневнике, что фюрер готовит нацификацию Австрии⁹¹. 15 февраля в Рим прибыл личный эмиссар Гитлера князь Гессенский. В беседе с ним Чиано высказал единственную претензию итальянского правительства в связи с Берхтесгаденской встречей: он упрекнул Гитлера в том, что тот заранее не проинформировал Муссолини о своих планах. Чиано просил, чтобы в речи в рейхстаге 20 февраля Гитлер все же упомянул о независимости Австрии⁹². Фюрер игнорировал просьбу союзника. Тем не менее Чиано считал его речь «вполне удовлетворительной». Он записывал в дневнике: «Что же мы можем сделать? Не объявлять же войну Германии». А в письме от 23 февраля Шушнигу итальянский министр прямо заявил, что «независимость Австрии должна базироваться на желаниях и воле самого австрийского народа, а не на... гарантиях иностранного государства»⁹³.

Таким образом, в феврале 1938 г. Италия окончательно отказалась от поддержки независимости Австрии. Но зато заметно возросла ее заинтересованность в соглашении с Англией. Польский посол в Риме доносил, что внимание итальянских правящих кругов в те дни было приковано к конфликту Идена с Чемберленом, «поэтому переговоры Гитлера с австрийским канцлером не вызвали большого интереса». В итальянском МИД на запросы иностранных дипломатов ограничились заявлениями о растущей солидарности оси. Но на вопросы о состоянии англо-итальянских переговоров Чиано отвечал «таинственными улыбками»⁹⁴.

Активные англо-итальянские переговоры начались 8 февраля. Итальянский посол в Берлине информировал о них гитлеровцев и заверил их, что Муссолини ничего не будет делать без консультаций с Германией⁹⁵. Но информация, которую итальянцы передавали своим союзникам, была далеко не полной.

---

⁸⁹ M. Magistrati. L'Italia..., p. 127.

⁹⁰ Ciano's Diaries, p. 75.

⁹¹ Ibid., p. 73.

⁹² Ciano's Diplomatic Papers, p. 163.

⁹³ Ciano's Diaries, p. 79.

⁹⁴ ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 117, л. 125. Высоцкий — МИД, 28.II.1938.

⁹⁵ DGFP, ser. D, vol. 1, N 111, p. 196.

10 февраля состоялась очередная встреча Гранди с Иденом. Итальянский посол сообщил, что его правительство готово обсудить все спорные вопросы, в том числе вывод иностранных войск из Испании. Но он настаивал на немедленном признании Англией захвата Эфиопии. Иден ответил, что такое признание будет отрицательно встречено Лигой наций и поэтому Англия не сможет его дать⁹⁶. Несмотря на довольно холодный ответ Идена, Чиано принял английского посла Перта и просил начать переговоры двух стран как можно скорее «из-за возможных будущих событий»⁹⁷. 14 февраля Чиано направил инструкции Гранди, в которых поручил послу приступить к переговорам «о нынешнем состоянии англо-итальянских отношений» с учетом последствий германского ультиматума Австрии. Он напоминал послу, что вскоре Италия ощутит давление со стороны нового соседа — 70-миллионной Германии, но советовал вести беседы с англичанами так, «чтобы в мире не интерпретировали политику сближения с Лондоном как путь в Каноссу под угрозой германского давления»⁹⁸. Правящие круги Италии учитывали и обострение разногласий между Иденом и Чемберленом. Поэтому, получив инструкции, Гранди дважды уклонился от приглашений в Форин Оффис для встречи с Иденом, а добился беседы с Чемберленом, хотя и в присутствии британского министра иностранных дел. В донесении в Рим Гранди сообщал, что Чемберлен настойчиво выяснял позицию Италии в случае аншлюса. Он указывал, что итальянские позиции в Европе будут в таком случае резко ослаблены. Иден же напомнил, что Италия не денонсировала трехстороннюю декларацию 1934 г. о независимости Австрии и не вышла официально из «фронта Стрезы»⁹⁹. В ответ Гранди заявил, что не имеет инструкций обсуждать австрийский вопрос, но предупредил, что развитие событий может усилить связи Италии с Германией и что для англо-итальянского соглашения «осталось мало времени»¹⁰⁰. Позиция итальянского правительства встретила полное понимание Чемберлена. После беседы с Гранди он записал в дневнике: «Как может Муссолини двинуть войска к Бреннерскому перевалу как прежде, если он чувствует, что Великобритания его потенциальный враг?»¹⁰¹

В тот же день, 18 февраля, итальянский посол встретился со связным премьер-министра. Тот передал Гранди слова Чемберлена, что «на следующий день все пойдет хорошо»¹⁰². Действительно, 19 февраля посол Перт передал Чиано согласие британского правительства немедленно начать конкретные переговоры. Чиано

⁹⁶ O. Harvey. Diaries, p. 87.

⁹⁷ Ciano's Diplomatic Papers, p. 162.

⁹⁸ Ibid., p. 163.

⁹⁹ Ibid., p. 166—167.

¹⁰⁰ O. Harvey. Diaries, p. 93.

¹⁰¹ K. Feiling. The Life..., p. 338.

¹⁰² В. Г. Трухановский. Антони Иден, с. 154.

выдвинул условие, чтобы переговоры велись в Риме. Как сообщал германский посол в Италии, это требование, помимо личных амбиций Чиано, желавшего играть главную роль в англо-итальянском диалоге, объяснялось желанием Муссолини устранить от переговоров Гранди и Идена¹⁰³.

Но отстранение Идена от дальнейших переговоров с Италией произошло по-иному. После переговоров с Гранди в резиденции премьер-министра на Даунинг-стрит он заявил Чемберлену, что дальнейшие контакты между Лондоном и Римом «в данный момент были бы на руку Муссолини, который пытается играть нами против Гитлера»¹⁰⁴. Но его позиция не встретила поддержки у большинства членов британского кабинета и руководителей Форин Оффис. Кадоган, например, записывал в дневнике: «Муссо, может быть, и играет нами, но не можем ли и мы сыграть им?»¹⁰⁵ Оказавшись 19 февраля на заседании правительства в изоляции, Иден подал в отставку. 20 февраля министром иностранных дел Англии стал Галифакс. Английский посол в США Линдсей немедленно передал госдепартаменту заверения, что со сменой министра иностранных дел сменилась тактика, а не стратегия правительства Англии. Такие же заверения были переданы французскому правительству¹⁰⁶. Действительно, сговор с Гитлером остался главной линией британских мюнхенцев. Но Галифакс в отличие от Идена был сторонником соглашения с Муссолини. Сразу же, вступив на новый пост, он заявил своим сотрудникам, что нельзя допустить провала англо-итальянских переговоров, ибо это «может ухудшить общее положение дел»¹⁰⁷.

Как сообщил польскому дипломату посол Италии в Варшаве, правящие круги Рима с большим удовлетворением встретили отставку Идена. Посол заявил, что итальянское правительство с оптимизмом относится к перспективам переговоров с Лондоном, и дал понять, что судьба Австрии больше не интересует Италию¹⁰⁸.

К началу марта 1938 г. был составлен английский проект соглашения с Италией. 5 марта с ним ознакомили французского посла Корбена, а 8 марта Перт вручил его текст Чиано. Англия согласилась признать «итальянскую империю» и добиваться на майской сессии Совета Лиги наций признания со стороны Лиги в целом. В обмен она требовала отказа Италии от посягательств на британские позиции в Средиземном и Красном морях, сокращения гарнизона в Ливии, прекращения деятельности итальян-

---

¹⁰³ DGFP, ser. D, vol. 1, № 116, p. 203. Муссолини видел в Гранди личного соперника и не доверял ему.

¹⁰⁴ O. Hargreave. Diaries, p. 91.

¹⁰⁵ A. Cadogan. Diaries, p. 48.

¹⁰⁶ A. Cadogan. Diaries, p. 56; DDF, t. 8, N 231, p. 457.

¹⁰⁷ O. Hargreave. Diaries, p. 100.

¹⁰⁸ ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 1, л. 129. Запись беседы заместителя польского МИД Шембека с послом Италии Ди Валентино, 1.III.1938.

ских агентов в арабских странах, признания коммерческих интересов английских фирм в Эфиопии, гарантий границ итальянских колоний в Африке с британскими, прекращения итальянской пропаганды, направленной против Англии и Франции. Кроме того, выдвигалось требование вывода итальянских войск из Испании¹⁰⁹. Но по поводу этого требования посол Перт заявил Чиано, что Италия должна лишь «сделать жест», чтобы успокоить британское общественное мнение¹¹⁰. О действительном выводе войск интервентов Англия вопроса не ставила. Италия сразу же приняла почти все британские предложения. Получив 9 марта телеграмму от Перта с ответом итальянского правительства, Харви отмечал в дневнике: «Похоже, Чиано готов идти впереди нас по всем пунктам наших предложений... Он хочет достичь соглашения по всем вопросам за две-три недели»¹¹¹. События ближайших дней сделали Италию еще сговорчивей.

К началу марта 1938 г. гитлеровская Германия закончила подготовку аншлюса. Немецкие войска сосредоточивались на границах Австрии. Нацисты захватывали один за другим руководящие посты в Вене. Неожиданно для всех 9 марта Шушниг в речи по радио объявил, что 13 марта состоится референдум, на котором австрийцы должны ответить на вопрос, хотят ли они видеть свою родину независимой. В Берлине речь Шушнига вызвала большое беспокойство. Гитлеровцы опасались, что большинство австрийцев проголосует против нацификации страны. Незамедлительно в Лондон был командирован Риббентроп, который имел 10 и 11 марта ряд встреч с Чемберленом и Галифаксом. Уже вечером 10 марта он телеграфировал в Берлин, что даже в случае военного вторжения немцев в Австрию, Англия ничего не предпримет¹¹². Позже в беседе с Чемберленом Риббентроп заявил, что «согласие между Англией и Германией окажется более легким, после того как разрешен австрийский вопрос». Британский премьер, по словам Риббентропа, был «того же мнения»¹¹³.

Выяснив английскую позицию, Германия предъявила 11 марта ультиматум Шушнигу с требованием его немедленной отставки и назначения канцлером гитлеровского агента Зейсс-Инкварта. Австрийский канцлер обратился за поддержкой в Лондон. В ответной телеграмме Галифакс сообщил, что Англия «не в состоянии гарантировать» защиту Австрии¹¹⁴. К вечеру того же дня Шушниг подал в отставку. 12 марта Австрия была оккупирована гитлеровской армией и вскоре включена в состав рейха.

Аншлюс Австрии изменил расстановку сил в Центральной и Юго-Восточной Европе в пользу Германии. Усилился ее экономи-

¹⁰⁹ DDF, t. 8, N 320, p. 626—630; Ciano's Diplomatic Papers, p. 188—191.

¹¹⁰ Ciano's Diplomatic Papers, p. 188.

¹¹¹ O. Harvey, Diaries, p. 111.

¹¹² DGFP, ser. D, vol. 1, N 146, p. 263.

¹¹³ Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. 1, с. 96.

¹¹⁴ DBFP, ser. 3, vol. 1, N 25, p. 13.

ческий и политический нажим на Придунайские и Балканские страны. Непосредственная угроза нависла над независимостью Чехословакии¹¹⁵. Обеспокоенное судьбами мира Советское правительство выступило 17 марта с осуждением аншлюса. Советский Союз еще раз предложил западным державам дать совместный отпор агрессору¹¹⁶. Заявление Советского правительства было передано правительствам США, Англии, Франции и Чехословакии. Правительство США не ответило на советское предложение, Англия и Франция его отклонили¹¹⁷. Вскоре после аншлюса Галифакс заявил, что «вполне может понять германскую акцию в отношении Австрии», но он «с большим подозрением относится к Советской России»¹¹⁸. Аналогичной была позиция французского правительства. Пюо, один из немногих французских дипломатов, осознавших, что аншлюс — это прямая угроза его стране, получил от Дельбоса выговор за тревожные телеграммы из Вены. Дельбос назвал сообщения Пюо «нестоящими и непродуманными»¹¹⁹. А вскоре кабинет Шотана подал в отставку, и в Париже начался затяжной правительственный кризис.

Аншлюс серьезно повлиял на блок фашистских агрессоров. Несмотря на все заверения Муссолини, в Берлине очень опасались ответной реакции Италии. Гитлеровцы считались даже с возможностью военной акции итальянцев как и в 1934 г.¹²⁰ Характерно, что во время встречи с Шушником в Берхтесгадене Гитлер, говоривший о полном согласии политики Берлина и Рима, все же предупредил канцлера, что у него хватит сил и для военного разгрома Италии¹²¹. Видимо, он не исключал возможности военного столкновения с союзником по оси. 12 марта Гитлер обратился с личным письмом к Муссолини. Он просил дуче не вмешиваться в события в Австрии и рассматривать аншлюс «только как средство национальной самозащиты». В обмен он обещал любую помощь в «критический для Италии час»¹²².

Но тревоги нацистских главарей были напрасными. Италия и не помышляла о защите Австрии. Правда, когда Шушник объявил о проведении плебисцита, в Риме одобрили этот шаг¹²³. Но уже через день итальянское правительство пересмотрело свою позицию. 11 марта итальянское посольство в Берлине сообщило гитлеровцам, что Муссолини не собирается вмешиваться в дела двух «германских государств»¹²⁴. 16 марта дуче публично привет-

¹¹⁵ См.: И. Н. Чемпалов. Политика великих держав..., с. 137—138.

¹¹⁶ Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958, с. 22—23.

¹¹⁷ См.: История внешней политики СССР, т. 1. 1917—1945. М., 1976, с. 342.

¹¹⁸ O. Harvey. Diaries, p. 121.

¹¹⁹ G. Paua ux. Mort et..., p. 113.

¹²⁰ E. von Rintelen. Musolini als Bundesgenosse. Stuttgart, 1951, S. 41.

¹²¹ E. Wisceman n. The Roma — Berlin..., p. 121.

¹²² DGFP, ser. D, vol. 1, N 352, p. 573—576.

¹²³ ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 159, л. 24. Высоцкий — МИД, 28.III.1938.

¹²⁴ ИДА, ф. 150, д. 58, негатив 7, позитив 6, кадр 54. Меморандум Вейцекера от 11.III.1938.

ствовал аншлюс и заявил, что он показал прочность оси Берлин — Рим¹²⁵. Мотивируя позицию Италии, Чиано заявил французскому поверенному в делах, что новый марш итальянских войск к Бреннеру был бы «трагедией и фарсом», так как «австрийцы сами не хотели защищаться»¹²⁶. Когда окончательно стало ясно, что Муссолини не собирается ничего предпринимать для защиты своего австрийского союзника, 12 марта вечером Гитлер позвонил по телефону в Рим своему эmissару князю Гессенскому и приказал передать дуче, что он «никогда, никогда, никогда не забудет» этого и готов подписать с Италией какой угодно пакт¹²⁷. А в речи 18 марта Гитлер утверждал, что «итало-германскую дружбу нельзя разбить»¹²⁸.

Но в действительности отношения между фашистскими державами оказались весьма напряженными. Иностранные дипломаты в Риме открыто говорили, что «ось Берлин — Рим начала сильно скрипеть»¹²⁹. Аншлюс ослабил позиции итальянского империализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. Римские протоколы прекратили существование. Переход австрийской экономики под контроль германских монополий создал ряд трудностей для итальянского империализма. И сразу же после оккупации вермахтом Австрии Италия почувствовала опасную близость германского соседа.

В выступлениях нацистских главарей неоднократно говорилось о неизбежности новой итало-германской границы по Бреннеру. 29 марта германское правительство передало итальянскому послу в Берлине ноту с аналогичными заверениями¹³⁰. Но одновременно нацистские агенты начали активную деятельность среди 200 тыс. немцев, проживающих в Южном Тироле. Они открыто пропагандировали отторжение Южного Тироля от Италии и включение его в состав рейха. По сведениям, которыми располагала итальянская полиция, штаб-квартира южнотирольских нацистов находилась в Германии в районе Дрездена¹³¹. В Германии же печатались и пропагандистские материалы, в том числе и карты, на которых Южный Тироль был включен в «этнические» границы рейха¹³². Итальянское посольство в Берлине несколько раз заявляло протест по поводу подрывной деятельности гитлеровских агентов на севере Италии¹³³. Не меньшую тревогу вызывала в Италии и возможная экспансия Германии на Адриатическом море. В конце марта Муссолини совершил демонстративную поездку в Триест, в ходе которой заверил местные власти, что «в новой международной ситуа-

¹²⁵ "Völkischer Beobachter", 18. III. 1938.

¹²⁶ DDF, t. 9, N 105, p. 204.

¹²⁷ I. Kirkpatrick. Mussolini. N. Y., 1964, p. 360.

¹²⁸ Documents on International Affairs, 1938, vol. 2, L., 1943, p. 83

¹²⁹ ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 117, л. 105. Высоцкий — МИД, 30.V.1938.

¹³⁰ DGFP, ser. D, vol. 1, N 729, p. 1060.

¹³¹ Ibid., p. 1061.

¹³² Ibid., N 744, p. 1081.

¹³³ Ibid., N 734, 743

ции интересы Триеста будут тщательно охраняться фашистским государством»¹³⁴.

Обострение итало-германских отношений сопровождалось усилением антигерманских настроений в Италии. Как сообщал военный атташе Франции в Риме, вступление немецких войск в Австрию вызвало массовые демонстрации протеста в Милане, в ходе которых был сорван гитлеровский флаг со здания германского консульства¹³⁵. Недовольство охватило и часть правящей верхушки. По сообщению посла Высоцкого, некий руководящий деятель фашистской партии заявил ему, что «отказ от защиты независимости Австрии — это самое тяжелое поражение, которое потерпели фашизм и лично Муссолини»¹³⁶. Французский поверенный в делах Блондель сообщал из Рима, что некоторые видные представители фашистской иерархии даже говорили о том, что после аншлюса «ось мертва»¹³⁷. Во всяком случае престижу Муссолини был нанесен удар. Поэтому с марта 1938 г. дуче видел в англо-итальянском соглашении не только средство укрепления международных позиций Италии, но и успокоения общественного мнения в своей стране. Он заявил Чиано, что итальянцы будут приветствовать договор с Англией «с огромным энтузиазмом и потому, что он кажется возможным путем освобождения Италии от дружбы с Германией»¹³⁸.

Начиная с 12 марта состоялось несколько встреч итальянского министра иностранных дел с послом Пертом, в ходе которых были согласованы все детали и подготовлен окончательный текст соглашения. Уже 4 апреля британский посол в Риме сообщил Блонделю, что документ готов и вскоре состоится его подписание¹³⁹. Окончательный текст англо-итальянского соглашения, подписанного 16 апреля 1938 г., почти не отличался от британских предложений, сделанных в начале марта. В обмен на признание «итальянской империи» в Африке фашистская Италия обязалась сохранять статус-кво в Средиземном море, не посягать на британские владения на Ближнем Востоке и в Африке, начать поэтапное сокращение гарнизона в Ливии и вывод «волонтеров» из Испании. Но еще 31 марта, утвердив текст последних инструкций своему послу в Риме, британский кабинет принял решение не вводить англо-итальянское соглашение в действие до тех пор, «пока правительство Его Величества не будет удовлетворено прогрессом в Испании»¹⁴⁰. Это решение было прямым попустительством агрессорам. В марте 1938 г. военное положение Испанской Республики резко осложнилось. В Лондоне считали, что победа фран-

¹³⁴ ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 117, л. 123. Высоцкий — МИД, 1.IV.1938.

¹³⁵ DDF, t. 9, N 76, p. 144.

¹³⁶ ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 159, л. 25. Высоцкий — МИД, 28.III.1938.

¹³⁷ DDF, t. 9, N 105, p. 204.

¹³⁸ Ciano's Diaries, p. 96.

¹³⁹ DDF, t. 9, N 110, p. 209—210.

¹⁴⁰ O. Harvey. Diaries, p. 125

кистов дело самого близкого будущего¹⁴¹. Поэтому правительство Чемберлена отсрочкой вступления в силу соглашения с Италией давало ей возможность продолжать интервенцию в Испании в прежних масштабах. В беседе с французскими министрами Галифакс подчеркивал, что договор с Римом служит не только интересам Британии, но и является «шагом вперед в умиротворении Европы»¹⁴².

Примерно так же комментировали соглашение официальные лица и газеты Италии. Они делали упор на «благоприятные последствия» согласия между Лондоном и Римом для «мира в Европе». Вместе с тем в итальянских комментариях подчеркивалось соответствие соглашения принципам оси¹⁴³. Разумеется, союз с гитлеровской Германией оставался основой политики Муссолини. Но в преддверии визита Гитлера в Италию дуче стремился использовать соглашение с Англией прежде всего для укрепления своих позиций внутри оси, подорванных аншлюсом. Как отмечал в донесении своему правительству Высоцкий, Муссолини мог «по-королевски» принимать у себя фюрера только потому, что «за ним, а не против него стояла Великобритания, дружба с которой существенно изменила характер отношений Италии с Берлином»¹⁴⁴. Такого же мнения придерживались и сами гитлеровцы. В меморандуме германского МИД отмечалось, что англо-итальянское соглашение «может ослабить у Италии чувство полной зависимости от Германии» и даст ей возможность проводить более активную политику в бассейне Дуная и на Балканах¹⁴⁵.

Действительно, Италия начала в этот период подготовку захвата Албании. Совершивший в конце апреля вояж в Тирану итальянский министр иностранных дел представил дуче обширный доклад, в котором обосновывал необходимость аннексии Албании. В числе причин этой акции Чиано указывал на создание противовеса усилившемуся после аншлюса германскому влиянию на Балканах¹⁴⁶. Одновременно Италия приступила к сколачиванию нового блока, который заменил бы Римские протоколы как основу ее влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе. Итальянская дипломатия укрепляла связи со своим союзником — Венгрией. Начались переговоры с Польшей. Особое внимание в Риме уделяли развитию отношений с Югославией, которую рассматривали как будущую основу итальянской политики на Балканах¹⁴⁷. Но в марте — апреле 1938 г. эти замыслы Италии были еще не вполне определены. Муссолини рассчитывал на полюбовный раздел

¹⁴¹ A. C a d o g a n. Diaries, p. 68.

¹⁴² DDF, t. 9, N 258, p. 563.

¹⁴³ Ibid., N 213, p. 442.

¹⁴⁴ ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 117, л. 106. Высоцкий — МИД, 30.V.1938.

¹⁴⁵ DGFP, ser. D, vol. 1, N 755, p. 1100.

¹⁴⁶ Ciano's Diplomatic Papers, p. 195.

¹⁴⁷ См. по данному вопросу: В. И. Ш и х о в. Итало-германское соперничество в странах Дунайского бассейна летом 1938 г. — В сб.: Балканы и Ближний Восток накануне и в начале второй мировой войны. Свердловск, 1968, с. 27.

сфер влияния в Юго-Восточной Европе с Гитлером во время его визита в Рим. Накануне прибытия фюрера он обсуждал с Чиано проект нового итало-германского соглашения взамен протокола от 25 октября 1936 г., который, по словам дуче, уже исчерпал себя¹⁴⁸.

Но итальянская дипломатия предприняла и еще один маневр для нажима на своего германского партнера. Правительство Чемберлена не отказалось от намерений возродить «фронт Стрезы». И в период завершения англо-итальянских переговоров, как сообщил об этом 9 апреля Кадоган послу Корбену, оно поставило перед Муссолини вопрос о франко-итальянских переговорах¹⁴⁹. 28 и 29 апреля в Лондоне были новый французский премьер-министр Даладье и министр иностранных дел Боннэ. Они обсуждали с Чемберленом и Галифаксом широкий круг вопросов, в первую очередь чехословацкий. Англичане предупредили французов, что не собираются защищать независимость Чехословакии. Даладье фактически дал согласие на выдачу своего чехословацкого союзника Гитлеру. В числе других проблем обсуждались и отношения с Италией. Галифакс выразил пожелание, чтобы Франция активней включилась в переговоры с Римом. Даладье и Боннэ согласились на это¹⁵⁰.

17 апреля французский поверенный в делах в Риме передал Чиано пожелание своего правительства обсудить спорные вопросы с Италией. При этом Франция предлагала придать соглашению «трехсторонний характер»¹⁵¹. Реакция Италии на французские предложения была двойственной. Муссолини сразу же сообщил о них новому германскому послу в Риме Макензену и заверил его, что он отверг инициативу Парижа¹⁵². Мотивируя свою позицию, дуче заявил Чиано, что если он подпишет соглашение с Францией, не имея договоренности с Германией, «то каждый сможет сказать, что ось ликвидирована» и Италия «идет назад к Стрезе»¹⁵³. В те же дни французское посольство в Лондоне получило из неких «итальянских кругов» документ о содержании бесед, которые Муссолини собирался вести с Гитлером. Из этого документа явствует, что Италия рассчитывала на помощь Германии в приобретении Савойи, Корсики, Туниса¹⁵⁴.

Но в то же время, получив 21 апреля проект итало-французского соглашения из 12 пунктов, составленный Боннэ, итальянское правительство отнеслось к нему со всей серьезностью. В беседе с Блонделем 1 мая, за два дня до приезда Гитлера в Рим, Чиано выразил согласие с большинством французских предложений.

¹⁴⁸ Ciano's Diaries, p. 107.

¹⁴⁹ DDF, t. 9, N 148, p. 308.

¹⁵⁰ Ibid., N 258, p. 562—564.

¹⁵¹ DGFP, ser. D, vol. I, N 740, p. 1077.

¹⁵² Ibid., N 741, p. 1078.

¹⁵³ Ciano's Diaries, p. 111.

¹⁵⁴ DDF, t. 9, N 127, p. 246.

Блондель даже пришел к выводу, что итальянский министр хотел бы подписать соглашение с Францией как можно скорей¹⁵⁵. В свою очередь Муссолини заявил Гитлеру при встрече, что у него складываются дружеские отношения не только с Англией, но и с Францией¹⁵⁶.

Англо-итальянское соглашение и заигрывание Рима с Францией вызвали беспокойство гитлеровцев. Готовясь к вооруженной агрессии против Чехословакии, Германия была заинтересована в поддержке со стороны Италии. В документе, составленном германским министерством иностранных дел для Гитлера в связи с его поездкой в Рим, даже предлагалось отложить акцию против Чехословакии в случае негативной позиции Муссолини. Если же ответ дуче по чехословацкому вопросу будет благоприятным для Германии, предлагалось обсудить с ним вопрос об «африканской империи», т. е. поддержать итальянские планы колониальной экспансии¹⁵⁷. Но и в этом случае гитлеровцы не собирались давать своему союзнику слишком больших обещаний. В начале апреля 1938 г. Гитлер поручил своему послу в Риме передать Муссолини, что он готов предоставить Италии свободу рук в бассейне Средиземного моря. Конкретизируя указания фюрера, статс-секретарь Вейцзекер пояснил послу: «Мы, конечно, должны стремиться к соглашению с Муссолини, но на ограниченной и продуманной основе. Иначе Муссолини может вообразить, что большой брат готов помочь ему в осуществлении всех его средиземноморских мечтаний. Мы не будем воевать за Майорку...»¹⁵⁸. Единственный вопрос, в котором гитлеровцы были готовы пойти навстречу союзнику, была проблема Южного Тироля. В подготовленном германским МИД меморандуме от 4 апреля говорилось о возможном решении южнотирольского вопроса во время переговоров Гитлера с дуче. Муссолини же должен был проявить солидарность «в борьбе с попытками расколоть» ось. В меморандуме прямо указывалось, что речь идет об англо-итальянских переговорах. Авторы документа выражали опасения, что соглашение между Римом и Лондоном может повлиять на всю политику Италии¹⁵⁹.

После того, как итало-британское соглашение стало фактом, Германия попыталась нейтрализовать его, связав Италию пактом Рим — Берлин. 28 апреля Риббентроп подготовил проект пакта. Проект предусматривал признание незыблемости новой итало-германской границы, взаимную политическую и дипломатическую поддержку для защиты «общих интересов», взаимный отказ от подписания договоров с третьими странами, которые прямо или косвенно были бы направлены против одной из договаривающихся

¹⁵⁵ Ibid., N 260, p. 591—592.

¹⁵⁶ ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 117, л. 108. Высоцкий — МИД, 30.V.1938.

¹⁵⁷ DGFP, ser. D, vol. 2, N 132, p. 238—239.

¹⁵⁸ E. Weizsäcker. Erinnerung. München, 1950, S. 158.

¹⁵⁹ D. C. Watt. An Earlier Model for the Pact of Steel.— "International Affairs", vol. 33, 1957, N 2, p. 187.

сторон. К этому политическому договору прилагались проекты двух секретных протоколов. В первом речь шла о взаимной помощи вооруженными силами каждой из сторон, если другая будет атакована Францией и (или) Англией. Второй предусматривал совместную разработку военно-стратегических планов, обмен военной, технической и разведывательной информацией¹⁶⁰.

С 3 по 9 мая 1938 г. Гитлер в сопровождении Риббентропа и Вейцекера находился в Италии. Очередная встреча фашистских диктаторов была обставлена еще более пышно, чем предыдущая. Но ни различные церемонии, ни восторженный тон фашистской печати не могли скрыть серьезных разногласий между Германией и Италией. Итальянский посол в Берлине Аттолико признал в беседе с польским послом Липским, что аншлюс был болезненно воспринят в Риме и это сказалось на итало-германских переговорах. Лишь после речи Гитлера в Палаццо Венеция, в которой он гарантировал неприкосновенность новых границ по Бреннеру и обещал пресечь деятельность нацистских агентов в Южном Тироле, атмосфера переговоров несколько улучшилась¹⁶¹. Муссолини согласился окончательно признать аншлюс и исключить австрийский вопрос из итало-германских отношений¹⁶². Была создана комиссия для обсуждения взаимных экономических и финансовых претензий, порожденных аншлюсом¹⁶³.

Гитлеровцам не удалось заручиться твердой поддержкой Италии в вопросе о Чехословакии. В принципе, Муссолини не имел возражений против захвата Чехословакии немцами. Но он опасался, что неосторожные действия Германии могут привести к военному конфликту с Западом. Италия же не была готова к войне ни в военном, ни в экономическом отношении¹⁶⁴. Для подобных опасений были определенные основания. Гитлеровцы не делились планами с итальянским союзником. А заявления некоторых нацистских главарей были весьма воинственными. Так, Геринг неоднократно заявлял в присутствии итальянских дипломатов, что война с чехами неизбежна. Маджистрати называл высказывания Геринга «странными и опасными»¹⁶⁵. Не меньшую тревогу вызывали в Риме и возможные дальнейшие действия Германии. Макензен сообщал 20 апреля, что некий хорошо информированный итальянский дипломат заявил ему, что его правительство рассматривает два возможных пути германской агрессии: против Советского Союза или продвижение на юго-восток. Первый вариант не вызывал возражений у италофашистов. Второй же серьезно беспокоил.

¹⁶⁰ Ibid., p. 187—189.

¹⁶¹ ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 159, л. 11—12. Липский — МИД, 28.V.1938.

¹⁶² DGFP, ser. D, vol. 1, N 761, p. 1108—1109.

¹⁶³ DDF, t. 9, N. 327, p. 717. Соглашение по этим вопросам было подписано 28 мая. — См.: DGFP, ser. D, vol. 1, N 773, p. 1128.

¹⁶⁴ 9 марта Муссолини заявил своим приближенным, что Италия не будет готова к войне вплоть до 1942 г. — Ciano's Diaries, p. 87.

¹⁶⁵ M. Magistrati. L'Italia..., p. 180.

По мнению итальянских правителей, он создавал угрозу позициям Италии на Средиземном море и мог «парализовать итало-германское сотрудничество»¹⁶⁶. Поэтому Муссолини в беседах с Гитлером уклонился от каких-либо обязательств, связанных с Чехословакией, и дал понять, что хотел бы избежать участия в военном конфликте из-за этой страны¹⁶⁷.

Неудачными оказались для немцев и переговоры о новом итало-германском пакте. Итальянцы вообще стремились избегать разговоров на эту тему. Лишь на третий день пребывания в Риме Риббентроп сумел передать свой проект Чиано. Итальянский министр реагировал на немецкое предложение отрицательно. 7 мая Риббентроп вручил Чиано новый вариант договора. В отличие от первоначального текста, в новом проекте была статья, устанавливавшая срок действия пакта, — пять лет. Но там же было сказано, что пункт первый договора, провозглашавший «незыблемость новой общей границы», должен действовать бессрочно. Однако и эта уступка не изменила позиции Чиано. В ответ на немецкое предложение он передал гитлеровскому министру итальянский проект договора. В нем предлагалось проводить политические консультации и развивать торговое и экономическое сотрудничество двух стран¹⁶⁸. По определению Вейцекера, итальянский проект «напоминал мирный договор с врагом, а не пакт о союзе с другом»¹⁶⁹. В конце концов, Чиано отказался от дальнейшего обсуждения итало-германского договора. По свидетельству присутствовавшего на беседах двух министров иностранных дел переводчика П. Шмидта, Чиано заявил: «Солидарность между нашими режимами сейчас так ясно выражена, что нет необходимости в формальном договоре о союзе». Гитлеровцы уловили в словах Чиано иронию и поняли, что говоря о «солидарности», он намекал на недавний аншлюс Австрии¹⁷⁰. Беседы Гитлера с Муссолини протекали в более дружественных тонах. Но и Муссолини обсуждал вопрос о новом союзе с Германией лишь в общих чертах¹⁷¹. Италофашисты вместе с тем дали понять своим немецким «гостям», что они не собираются отказываться от соглашения с Англией. Иностранные дипломаты в Риме отметили выделявшуюся на общем фоне хвалебных статей в адрес Гитлера фразу в газете «Иль Лаворо фашиста» о том, что визит фюрера проходил «в атмосфере устранения существовавшей до сего времени угрозы войны между великими державами, которая явилась прямым результатом итало-английского пакта»¹⁷².

Гитлеровцы не остались в долгу. Накануне прибытия фюрера Муссолини обсуждал с Чиано необходимость нового соглашения

¹⁶⁶ DGFP, ser. D, vol. 1, N 745, p. 1083.

¹⁶⁷ DDF, t. 9, N 327, p. 717.

¹⁶⁸ D. C. Watt. An Earlier Model..., p. 195—196.

¹⁶⁹ E. Weizsäcker. Erinnerung, S. 160.

¹⁷⁰ P. Schmidt. Statist auf Diplomatische Bühne. Bonn, 1949, S. 388

¹⁷¹ F. Anfuso. Roma..., p. 73.

¹⁷² ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 117, л. 106. Высоцкий — МИД, 30.V.1938.

с Германией о разделе сфер влияния в Дунайском бассейне и на Балканах, взамен протокола от 25 октября 1936 г., который, по словам дуче, исчерпал себя¹⁷³. Близкий к Муссолини журналист Гайда выступил с серией статей, в которых заявлял, что немецкие интересы находятся в бассейне Северного моря и «восточной зоне», а итальянские — на Средиземном море, а также на Балканах и Дунае. Сравнивая предстоящий визит Гитлера с итало-германским соглашением 1936 г., Гайда прозрачно намекал на желательность разграничения сфер влияния в Юго-Восточной Европе между фашистскими державами. Уже в дни визита, комментируя тосты Гитлера и Муссолини, он писал: «Ждем, что интересы Италии в Придунайской и Балканской зонах, граничащих с Австрией, будут уважаться Германией, так как Италия готова признать и уважать аналогичные интересы Германии»¹⁷⁴. Но гитлеровцы игнорировали эти призывы. Риббентроп информировал германские миссии за рубежом, что «сообщения иностранной прессы об установлении сфер влияния в Дунайском районе и на Балканах неверны. Ситуация в Юго-Восточной Европе не обсуждалась в деталях»¹⁷⁵.

В целом, нацистские главы были недовольны итогами переговоров в Риме, что не ускользнуло от внимания иностранных дипломатов. Американский посол в Италии отмечал, что при отъезде члены немецкой делегации, кроме самого Гитлера, почти не скрывали разочарования в результатах визита¹⁷⁶. По словам Вейцзекера, это объяснялось тем, что в мае 1938 г. укрепилась лишь «личная ось» Гитлера с Муссолини. Отношения же «между Германией и Италией были и остались неестественными». Впрочем, и Гитлер заявил своей свите на перроне римского вокзала: «Вы не представляете, как я рад уехать отсюда»¹⁷⁷.

Однако нельзя утверждать, что встреча фашистских глав завершилась провалом. Ось Берлин — Рим была сохранена, несмотря на аншлюс и формальный конец Римских протоколов. Но Гитлер добился еще одного успеха. Были сорваны английские планы нажима на Германию с помощью угрозы реставрации «фронта Стрезы». 14 мая Муссолини выступил с речью в Генуе, в которой разглагольствовал об укреплении союза с Германией и обрушился с резкими нападками на Францию. Иностранные дипломаты отметили, что в речи дуче «впервые официально была отвергнута идея Стрезы». В комментариях к речи Муссолини Гайда писал, что «Стрезу» похоронили Англия и Франция санкциями

¹⁷³ Ciano's Diaries, p. 107.

¹⁷⁴ ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 159, л. 8. Высоцкий — МИД, 11.V.1938.

¹⁷⁵ DGFP, ser. D, vol. 1, N. 761, p. 1109. Чиано также заявил дипломатам Придунайских стран, что отношения к этим странам в ходе итало-германских переговоров не обсуждались. — Ciano's Diaries, p. 112.

¹⁷⁶ FRUS, 1955, vol. 1, p. 54.

¹⁷⁷ E. Weizsäcker. Erinnerung, S. 159—160.

против Италии в период ее агрессии в Эфиопии в 1935 г.¹⁷⁸ В конце своей речи Муссолини заявил: «Тот, кто стоит на месте, проиграет». Осведомленный информатор расшифровал германскому послу в Риме эту фразу так: Италия не должна останавливаться после захвата Эфиопии и будет расширять свою колониальную империю¹⁷⁹.

Таким образом, политика Италии после аншлюса определилась достаточно четко: укрепление оси Берлин — Рим при сохранении англо-итальянского соглашения и борьба за расширение фашистской «империи» в основном за счет Франции. Но соперничество фашистских агрессоров в Дунайском бассейне и на Балканах не было ослаблено.

---

¹⁷⁸ ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 159, л. 13. Донесение поверенного в делах в Риме А. Завишы в МИД, 19.V.1938.

¹⁷⁹ DGFP, ser. D, vol. 1, N 769, p. 1124.